

Я пила кофе, стоя у распахнутого настежь окна. После надоедливых затяжных дождей второй день светило солнце — в город пришла настоящая весна. Прохожие на улице беспричинно улыбались, а в еще не успевших высохнуть лужах купались воробьи.

Тюлевая занавеска надувалась пузырем, я шурилась на солнце и ощущала себя абсолютно счастливой. Такое чувство, точно за спиной выросли крылья. Казалось, влезь на подоконник, зажмурься, закричи погромче и непременно полетишь...

«Запросто», — усмехнулась я, напомнив себе, что у нас третий этаж, а летать можно по-разному. Но ощущение счастья не проходило, несмотря на всю мою самоиронию. И дело не только в том, что за окном весна, а...

Зазвонил телефон, я торопливо схватила трубку, поставив чашку на подоконник, и широко улыбнулась, услышав голос мужа.

— Это я, дорогая, — сказал он.

Мы расстались рано утром, так что сердцу вроде бы незачем было скакать галопом и замирать. Совершенно лишние волнения, но сердце, однако, летело галопом и замирало. В общем, выходило, что я бе-

зумно люблю своего мужа, как оно и было в действительности. Это я не без удивления смогла констатировать несколько месяцев назад, правда, тогда он еще не приходился мне мужем и некоторая романтичность была вполне уместна. Однако прошел почти год после нашей встречи и скоропостижного бракосочетания, а романтизм почему-то не убрался во свояси. Напротив, я смогла убедиться, что сейчас люблю мужа больше, чем в день нашей свадьбы. Если учесть, что любовная лихорадка долго и упорно обходила мою персону стороной, не приходится удивляться, что меня так занимают собственные чувства.

— Я тебя люблю, — улыбаясь, сказала я.

— Здорово, — совершенно серьезно ответил Глеб. — Есть еще новости?

— Нет. Я собираюсь немного прогуляться. Буду думать о тебе и читать стихи, мысленно, конечно, чтоб не удивлять прохожих.

— Почему бы тебе не почитать их мне?

— По телефону?

— Нет, я жажду личной встречи.

— Ты приедешь только завтра, а выйти на прогулку я собираюсь через полчаса. Обойдешься без стихов, мой дорогой.

— Знаешь, оказалось, рыбалка вовсе не такое увлекательное занятие, — со смешком сказал он. — Я скучаю без тебя, детка. Если честно, я уже забросил свои пожитки в машину и собираюсь отчаливать. Как ты на это смотришь?

— Я в восторге, — искренне ответила я. — По моему, рыбалка — довольно глупое времяпрепровождение.

— Почему же ты молчала об этом раньше?

— Не хотела, чтобы ты решил, будто я пытаюсь удержать тебя возле своего подола.

— А ты пытаешься?

— Конечно. Но, как женщина умная, стараюсь, чтоб это не бросалось в глаза.

— Могу тебя поздравить, задуманное тебе удается мастерски. Я думал, ты рада-радешенька избавиться от меня на сутки. В общем, через пару часов буду дома.

— Я тебя жду.

— Надеюсь, любовника в шкафу я не обнаружу.

— Конечно, нет, ты ведь такой милый и заранее предупреждаешь о своем возвращении.

— Береженого бог бережет, — засмеялся Глеб. — Ладно, детка, я услышал твой голос, и на душе стало легче, а домой захотелось со страшной силой. Целую.

— Эй, ты не сказал самого главного, — нахмурилась я.

— А что у нас самое главное? — с притворным удивлением спросил Глеб.

— Напрягись, — сурово посоветовала я.

— Совершенно ничего не приходит в голову...

— Глеб, я тебя убью...

— Дорогая, торопиться с этим не стоит, вдруг я тот самый единственный...

— Ты тот самый, но я убью тебя, если ты сию минуту не скажешь, что любишь меня.

— Ах, вот в чем дело... — Мы засмеялись, а потом он сказал: — Я люблю тебя. — И это прозвучало как-то странно, чересчур серьезно, что ли, и валять дурака сразу расхотелось.

— Я тебя жду, — тихо сказала я, испытывая нечто вроде беспокойства.

— Целую, — ответил он, помедлил и добавил: — Детка, я счастлив, как последний идиот. — И отключился.

Я положила трубку и вновь выглянула на улицу, но теперь происходящее там меня совершенно не занимало. Через пять минут я закрыла окно, задернула занавеску и, напевая что-то под нос, прошла на кухню. Однако очень скоро петь мне расхотелось. Я то и дело поглядывала на часы. Странно, ощущение счастья уступило место беспокойству. Что это со мной?

Я прошла по огромной квартире, пытаюсь уяснить неожиданно происшедшую перемену в настроении. Никаких причин. Совершенно. Птицы поют, солнце светит, мой муж возвращается ко мне... Я потянулась к телефону, ругая себя за глупость: надоедливая жена наскучит очень быстро. Глеб ответил не сразу, и на смену беспокойству вдруг пришел страх.

— Глеб! — едва не заорала я, услышав его голос.

— На повороте телефон улетел под сиденье, еле смог его достать, тормозить не хотелось.

— Ты меня напугал.

— Что? — не понял он.

— Не знаю, — честно ответила я. — По-моему, я спятила, два часа кажутся мне вечностью.

— Я постараюсь их сократить.

— Ну уж нет, меня всегда в дрожь бросает от твоего лихачества.

— Чепуха, дорога совершенно пустая. Лучше скажи, чем ты занята.

— Ничем. Ради бога, не гони как сумасшедший.

— Ясно, не можешь выпроводить любовника. Он что, в твоей шубе запутался и теперь ты тянешь время?

— В случае чего выброшу его в окно вместе с шубой, так что не беспокойся.

— Это разумно. Иногда я в самом деле верю, что ты меня любишь.

— Что за дурацкое «иногда»?

— Ну...

— Когда вернешься, поговорим на эту тему.

— Почему не сейчас? Мне так приятно слышать твой голос.

— Потому что ты летишь как угорелый, управляя машиной одной рукой. Пока.

— Как только доберусь до Ярцева, позвоню. Идет? Ты успеешь выбросить любовника и расстелить ковровую дорожку у подъезда...

— А еще заказать военный оркестр, — поддакнула я и отключилась.

На душе стало спокойнее, еще немного побродив по квартире, я решила удивить мужа и испечь торт. Достала поваренную книгу и углубилась в изучение рецептов. Вскоре стало ясно: торт мне не по силам — и я остановилась на печенье по-домашнему. Кулинария никогда не была моим хобби, и времени я потратила предостаточно. Когда наконец печенье оказалось в духовке, я перевела взгляд на часы, а потом на телефон. Глебу уже давно было пора позвонить.

Я почувствовала что-то вроде укола в сердце и схватила трубку. Глеб не ответил. «Ну и что? — пробовала я рассуждать здраво. — Он мог его выключить или забыл подзарядить, и батарейки сели...» Но беспокойство не проходило, напротив, усиливалось с каждой минутой. Я замерла возле окна, ожидая, когда во дворе появится темно-зеленый «Шевроле» мужа. То и дело набирала номер телефона, с каждым ра-

зом испытывая все большее отчаяние. И вдруг заревела. Не помню, когда я плакала в последний раз. Я и в детстве не злоупотребляла этим. Слезы катились по щекам, а я, вцепившись в трубку, шептала: «Господи, ну пожалуйста...» — ожидая в любой момент увидеть машину Глеба и выругать себя за дурацкую истерику.

Зуммер плиты заставил меня вздрогнуть. Я испуганно оглянулась, успев к тому времени забыть о печенье. Выключила духовку и вновь уставилась в окно. Со страхом перевела взгляд на часы. Три часа двадцать минут. Еще один звонок остался без ответа. Он мог заехать в магазин за цветами... «Глеб, немедленно, слышишь, немедленно ответь мне». — «Телефон отключен или находится в зоне недосягаемости», — в который раз повторил оператор. «Я убью его, я убью его... только бы он вернулся». Четыре часа. Что с ним могло случиться? Может, машина сломалась или какая-то непредвиденная задержка и он не позвонил?

Ждать у окна больше не было сил. Я с трудом отыскала ключи от машины, в досаде вытряхнув содержимое сумки на пол, и бросилась к своему «Фольксвагену», стоявшему во дворе. Проверила, включен ли мой телефон. Когда мы встретимся, я буду чувствовать себя идиоткой. Ну и пусть, лишь бы встретиться.

На первом же светофоре я пролетела на красный, на счастье, бдительных граждан в форме поблизости не оказалось. «Так нельзя», — попыталась я себя урезонить и поехала медленнее.

Город остался позади. Вот и указатель на Ярцево. Я свернула с автострады, здесь дорога была узкой, в жутких колдобинах. Как обычно, по весне заниматься ремонтом никто не спешил. Вот колокольня яр-

цевской церкви, поворот... Ни одной машины не попало навстречу. А если у Глеба сломался телефон? Разве такого не бывает? Может, он уже дома? Я набрала номер квартиры. Автоответчик моим голосом сообщил, что никого нет дома.

— Глеб, позвони мне, — попросила я и отключилась.

И вот тогда увидела машину «Скорой помощи», она, стремительно сокращая расстояние, неслась мне навстречу, мы поравнялись на выезде из Ярцева. Наверное, уже в ту самую минуту я и поняла, что произошло, прижалась к обочине, пытаюсь справиться с дыханием, потом заставила себя ехать дальше. За Ярцевом начинались места малообжитые — на ближайšie семьдесят километров ни одного населенного пункта вдоль дороги. Лес сплошной стеной, ближе к озеру луга. Еще один поворот. Впереди на дороге, возле обочины, стояли красные «Жигули», мужчина и женщина испуганно жались к своей машине. Я резко затормозила.

Сначала я мало что поняла. Кроме красных «Жигулей», на дороге больше не было никакого транспорта, потом внимание мое привлек указатель «Опасный поворот», опрокинутый на асфальт, а метрах в сорока от дороги в поле догорало то, что недавно было машиной. Искореженная груда железа, только номер, как будто в насмешку, выглядел вполне различимым: 320. Рядом стоял милицейский «газик», и несколько мужчин топтались по соседству. У меня хватило сил выйти из машины.

— Где он? — пролепетала я, но никто не обращал на меня внимания, женщина продолжала испуганно жаться к «Жигулям», а мужчину позвал милиционер,

и они вдвоем устремились к дымящемуся остову машины.

— Я его вытащить не мог, — вроде бы сказал он.

Не помню, когда пошел дождь, в ту самую минуту, когда я это услышала, или гораздо раньше, я ничего не замечала вокруг. Я бежала к «Шевроле», увязая в земле, и дождь хлестал по лицу, я потеряла туфлю и заплакала, а потом увидела милиционера, он поддерживал меня под локти, без конца повторяя:

— Успокойтесь...

Я ответила:

— Там мой муж...

— Там никого нет, — ответил милиционер. Мне показалось, он бредит.

— Там мой муж! — заорала я, надеясь, что упаду в обморок и это все как-нибудь прекратится.

— Его увезли. Здесь никого нет. Успокойтесь. Володя, вызови «Скорую», женщине плохо.

— Он жив? — пробормотала я, цепляясь за чью-то руку и не слыша ответа. — Жив, — твердила я себе, а вокруг молчали. — Где он? Куда его увезли? Да что вы молчите? Помогите же мне... где он?

Следующие несколько часов я помнила крайне смутно, постоянно балансируя на грани сознания. Должно быть, это и спасло меня от сумасшествия, в противном случае пережить то время было бы мне не под силу. Первое отчетливое воспоминание: я сижу в коридоре больницы, вокруг какие-то люди, им нет до меня дела, и слава богу. Я забилась в угол, кутаюсь в кофту, пытаюсь согреться. Нелепая оранжевая кофта, откуда она взялась? Меня бьет озноб, я стискиваю зубы, таращась на дверь прямо напротив. Вдруг она открывается, высокий мужчина в белом выходит мне

навстречу, сосредоточенно хмуря лоб и избегая моего взгляда.

— Это вы Шабалина? — спросил он строго, я не могла ответить и молча кивнула, поднявшись. Он сунул руки в карманы халата и протянул: — Да-а-а... — Я ждала, секунды начали свой отсчет, время сделалось физически осязаемым, давило на плечи, заставляя подгибаться колени. Мужчина шагнул ко мне, подхватил под руки. — Сядьте. Вам плохо?

— Где он? — прошептала я, пытаюсь поймать его взгляд. Он упорно отводил глаза, нелепо пожал плечами. Нелепо, потому что на мой вопрос должен быть ответ, а не это пожатие плеч... — Где он? — задыхаясь, спросила я, голова кружилась, подступала тошнота, я боялась, что меня вырвет прямо здесь, в этом сером унылом коридоре, пропитанном запахом лекарств и безнадежностью. — Послушайте, — я схватила его за руку, стиснула ее, должно быть, причиняя ему боль, потому что он недовольно поморщился, — у нас есть деньги... Все что угодно... Только ради бога...

— Вам не сказали? — кашлянув, спросил он и попытался вырвать руку, я уцепилась за нее, как за последнюю надежду.

— Простите меня, — горячо зашептала я, — простите... Я сама не знаю, что говорю... я люблю его... мы женаты одиннадцать месяцев, да поймите вы...

— Я понимаю... — Врач усадил меня на стул и сам сел рядом, он легонько похлопал меня по плечу. — Как вас зовут?

— Полина, — помедлив, ответила я.

— Вот что, Полина... У него не было шансов. Никаких. С такими ожогами невозможно выжить.

Я смотрела куда-то в угол, больше ничего не слыша. Он коснулся моего плеча.

— У вас есть родственники? Я позвоню из ординаторской. Вызвать вам такси?

— Что? — повернулась я к нему.

— Вам сейчас лучше побыть с кем-то из родных.

— У меня нет родных.

— Друзья...

— Мне никто не нужен, — захлебываясь от сдерживаемых рыданий, начала я. Он пожал плечами и поднялся. Я схватила его за руку. — Мне можно его увидеть?

— Нет. Давайте я вас провожу.

Я вскочила и, зажимая рот рукой, бросилась куда-то по коридору. Мне хотелось кричать во все горло. Увидев табличку на двери, я влетела в дамскую комнату, меня долго рвало, я стояла, согнувшись в тесной кабинке, и думала только об одном: я не хочу жить.

— Вам плохо? — испуганно спросили рядом, я повернулась и увидела в дверях полную даму в нелепой цветастой блузке.

— Извините, — спокойно ответила я, испытывая желание ее убить, ударить чем-нибудь тяжелым... Я спятила. — Извините, — повторила я и прошла к раковине. Торопливо умылась холодной водой. Из зеркала на меня смотрело бледное лицо Арлекина с темными подтеками туши под глазами, страдальческим ртом. — Это несправедливо, — пролепетала я и залилась слезами, прекрасно сознавая всю нелепость моего упрека господе.

Сумка висела у меня на руке и билась по ногам. Откуда она взялась? Впрочем, неважно. Я достала

носовой платок, вытерла лицо. На смену рыданиям пришла опустошенность, хотелось забиться в угол, а еще хотелось уснуть. Я вытащила сотовый и набрала номер. Такси я ждала у ворот больницы, машина прибыла минут через пять, а еще через двадцать я вошла в свою квартиру, протопала в спальню и рухнула на кровать, открыла тумбочку, нащупала флакон со снотворным и выпила три таблетки.

«Сейчас все пройдет, — тарашась в потолок, думала я, неизвестно на что надеясь. — Я усну, и все пройдет».

Солнце било в лицо, я повернулась на бок, уходя от его лучей, зажмурилась покрепче и подумала: «Это ночной кошмар, страшный сон и ничего больше. Глеб уехал на рыбалку и как раз сегодня вернется».

Но открыть глаза все равно пришлось. Его халат, небрежно брошенный на спинку кресла, книга рядом с настольной лампой. Я беззвучно заплакала, уткнувшись в подушку. Потом заставила себя подняться, выпила кофе, глядя в окно. Сквозь частые облака пробивалось солнце, играя на боках вазы на подоконнике, а мне опять захотелось плакать. Я безнадежно покачала головой, прикрыв глаза, и некоторое время сидела так, без чувств, без мыслей. Потом приняла душ, оделась и покинула квартиру.

Моя машина стояла во дворе, понятия не имею, кто ее сюда перегнал, но ключи обнаружили в моей сумке. Сесть за руль не было сил, я вызвала такси. Водитель попробовал завести со мной разговор, но вскоре умолк. Остановился возле корпуса, я поднялась на второй этаж и вошла в отделение. Слева за